

получения истины. Знаменитое пьютоновское кредо «гипотез не измышляю» теряло статус безусловного и строгого правила, и особую значимость в развитии научного знания начинала играть математическая гипотеза.

Для понимания и принятия научных положений приходилось прибегать к философско-методологическому анализу статуса различных познавательных процедур и методов научно-познавательной деятельности, а также к прагматически-технологическим, «производственным» средствам и аргументам для обоснования отстаиваемых концепций. Высокоразвитая классическая наука подводила ученых к изучению тайн микромира, к революционной ломке общих представлений, понятий, способов обоснования. Этому способствовали великие открытия на рубеже XIX – XX веков.

1. Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.

2. Эйнштейн А. Собр. науч. трудов. М., 1967. Т. 4.

3. Ньютон И. Оптика, или Трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. М.; Л., 1927.

4. Герц Г. О соотношениях между светом и электричеством // Из истории радио. М., 1949.

В. А. Панпурип
г. Екатеринбург

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ — МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Нельзя дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Целый ряд исходных постулатов, ставших для классической науки аксиомами, с высоты сегодняшнего, стремительно углубляющегося и расширяющегося знания и изменяющихся способов его получения, не могут не быть оспорены и отвергнуты. Наивным и педантическим выглядит абсолютизация всех некогда открытых связей и отношений как неизменных, постоянно действующих закономерностей, а сложившейся научной картины мира как окончательной и раз навсегда данной. В этом сказывается отсутствие понимания того, что мир во всех его компонентах всегда находится в состоянии изменения, что развитие может иметь нелинейный характер. Для основного массива классических теорий не существует осознания того, что имеющееся знание может носить относительный характер. Классическая наука не знает проблемы воздействия средств, инструментария наблюдения на исследуемый объект, учета тех изменений, которые они приносят в изучаемую реаль-

ность. Для классической науки характерна переоценка, абсолютизация роли научного знания в становлении и развитии социального бытия человека, ведущая к сциентизму. При этом происходит умаление значения в этом процессе обыденного, мифологического, религиозного сознания, непонимание определяющей мотивационной роли смысловопереживательной стороны внутреннего мира людей. С этим связана педооценка, а то и игнорирование необходимости социально-гуманитарной и экологической экспертизы результатов научной деятельности.

Все так. Но оправданная критика указанных исторических ограничений классической науки нередко сопровождается жестким противопоставлением им иных, альтернативных характеристик, объединяемых понятием «постнеклассическая рациональность», что, на наш взгляд, приводит к выхолащиванию инвариантных, существенных особенностей, которые и делают познание познанием.

Познание составляет совершенно необходимую, ничем не заменимую составляющую человеческой жизнедеятельности. Непременным условием самоосуществления человеком своей природы, достижения гармоничной благоустроенности бытия является постижение сущего как такового, как данности, как существенной определенности, незамутненной предвзятым личностным отношением. Это относится ко всем проявлениям и изменениям природной, социальной жизни, сокровенного мира личности. Необходимо своеобразное гносеологическое удвоение реальности, ее отображение во всей пространственной глубине и перспективах развития. В границах гносеологического и непосредственное, неповторимое, личностное отношение предстает как отраженная данность, как факт объективного взаимодействия. Познание и сложилось в веках для того, чтобы вырабатывать знания, несущие максимально полную, точную, достоверную информацию обо всех процессах, протекающих в реальной действительности, во внутреннем мире человека, о значимости всего сущего. Знание неадекватное, необъективное с точки зрения на сегодня достигнутых исследовательских возможностей не имеет смысла. Вслед за В. С. Степиным отметим, что научное познание отличается при этом стремлением познать глубинные свойства и отношения объективной действительности, включает в орбиту своих исследований объекты, которые только еще могут стать предметами практического освоения в будущем, заботится о строгой систематизированности получаемых знаний, о неукоснительной дисциплине научной мысли [1].

Для того чтобы выполнить свое предназначение, процесс познания не может не происходить на основе гносеологической про-

тивопоставленности объекта и субъекта. Подчеркиваю, именно гносеологической, а не онтологической, не праксиологической. Стремление к объективности содержания знаний требует строго определенной, четко регистрирующей, эксплицитной, безэмоциональной, падличностной формы выражения.. Эксплицитными и идеально объективированными по способу существования являются понятия и представления. Идеальная объективированность делает их легко транслируемыми, передаваемыми от сознания к сознанию, способными образовывать совокупный духовный опыт, обеспечивать его долговременное хранение и историческую преемственность. Взаимодействие между когнитивными компонентами с целью выработки углубленной, системной картины сущего, целостной мировоззренческой позиции тоже является результатом свершения дискурсивных мыслительных процедур, носящих дискретный, шаговый характер, осуществляется благодаря четко выверенным процессам анализа и синтеза, умозаключениям и силлогизмам, требующим элиминации личностно-переживательного отношения субъекта познания.

Между тем теоретики «постнеклассической рациональности» видят определяющую черту этой новации в отказе от гносеологической противопоставленности объекта и субъекта, в утверждении их неразрывной связи, неразделенности в процессе познания. Отсюда следует отрицание объективной истины, признание правомерности бескрайнего плюрализма, абсолютизация относительности, поклонение релятивизму. Какова же логика, каковы аргументы новаторов?

Экологические проблемы сегодняшнего дня, безжалостное, разрушительное отношение к природе оказываются следствием неположенности объекта и субъекта, ведущей человека к отстраненности, отчужденности от окружающей среды. Так, Карен Глой, одна из авторов солидного энциклопедического издания «Рациональность на перепутье» пишет: «Бросающимся в глаза признаком механистической парадигмы является раскол на субъект и объект, который как бы задает схему отношения человека к природе (?). Природа противостоит человеку как нечто другое, чуждое; она выступает для него как «предмет» (противостоящее) или «объект». Эмоционально с этим нередко связываются враждебность и сопротивление. Это противопоставление имеет свой религиозный корень в ветхозаветном повествовании о грехопадении человека и изгнании его из рая» [2].

Как видим, здесь совершенно произвольно гносеологическому противопоставлению объекта и субъекта придается онтологичес-

кий смысл, оно распространяется на целокупное мироотношение человека, включающее его практическую, деятельную сторону. При такой подмене дискредитировать гносеологическое условие объективного знания ничего не стоит. При этом забавно, что в противостоянии объекта и субъекта виноваты Адам и Ева. Происходит парадоксальная вещь — своеобразный возврат к критикуемой идее классической науки о всесиили познающего Разума. Только классики, заблуждаясь, абсолютизировали позитивную, жизнеустроительную силу Cogito, а постнеклассики придают Разуму столь же абсолютную, но негативную, разрушительную роль. На основе сходной логики А. С. Колесников и Ю. А. Сандулов приходят к выводу, что «рациональность обессилила гуманность и была заменена сначала неклассической, а затем и постнеклассической» [3]. После таких открытий отказ от Интеллекта не кажется таким уж экстравагантным. «Внятный, объяснимый, рациональный мир, схваченный причиной и следствием, как бочка обручами, вышел из историософической моды», — читаем мы у А. Гениса. Требуются «насыщение настоящего архаическими элементами», «альянс мистики с физикой», «переход от «научного» к «мистическому» мировоззрению», достижимые «только духовным прыжком, ментальным кульбитом» [4].

Следующая линия рассуждений у тотальных ниспровергателей классики связана с тем, что современное познание все чаще обращается к тому, что принято называть человекообразным предметом. Это действительно так. Взаимодействие человека и окружающего мира становится все более взаимопроникающим, вторая природа приобретает глобальные масштабы, созидаящий человек конструирует среду своего обитания. Но отсюда неверно делать вывод, что субъект познания становится частью исследуемого объекта, что они неразделимы, объективной истины не может быть по определению и все многообразные теории одного и того же объекта в равной мере правомерны. Снова смешение гносеологического с онтологическим и праксиологическим.

Представляется, что наглядно можно продемонстрировать различие и взаимодействие гносеологического и онтологического, а также то, что когитальное сознание — не единственная ипостась психической жизни человека, на примере соотношения познания и миропереживания.

Во внутреннем мире человека наряду с познавательной, когитальной стороной (знания, убеждения, идеалы, мечты, цели, программы) важнейшую роль играет эмоциональная, точнее, переживательная составляющая. По сравнению с когнициями переживания име-

ют принципиально иной характер, начиная с формы бытия. Переживание представляет собой внутреннее душевное состояние, неотрывное, неотделимое от «Я» личности. При этом исчезает гносеологическая противопоставленность, происходит как бы слияние с переживаемой реальностью. Переживающий проникает внутрь явлений и ощущает, постигает неожиданные, глубинные нюансы их содержаний, зачастую неуволимые для мыслительных процессов, открывает для себя их значимость и индивидуальные смыслы. Эти процессы и возникающие в нем состояния следует именовать смыслопереживаниями. Они, как и мышление, осуществляют движение смысла, но в совершенно иной форме, в форме глубинных состояний души. Индивидуальные, сокровенные смыслы выявляются как духовные потребности и интересы, ценностные ориентации и жизненные установки, как вера, надежды, любовь.

Смыслопереживания не являются отражением действительности, не имеют образного характера. Они — реальные, непосредственные факты бытия, их статус онтологический. В отличие от дискретности, строгой однозначности, эксплицитности мышления для смыслопереживаний характерна континуальность, переливчатый ток, нескончаемая динамика развития, обогащения, взаимодействия, рождения новых духовно-душевных целостных состояний. Смыслопереживания представляют самую глубинную, сокровенную, индивидуально-личностную ориентацию в мире, выступающую наиболее мощным, энергичным мотивационным фактором, лежащим в основе любой деятельности и бытия в целом. Смыслопереживание и рациональное мышление соотносятся как духовная энергия и информация. Могут ли смыслопереживания стать предметом познания и самопознания? Принципиальный для нашей темы вопрос.

Еще раз подчеркнем, срассенность, неотделимость, неотрывность смыслопереживаний от внутренней динамики, от самости личности паделает их качеством необъективированности. Они в своем текущем, переливчатом естестве не совместимы со статическим статусом объекта, не могут существовать за пределами внутреннего мира личности. Непрерывающаяся подвижность, пульсирующие взаимопереходы делают содержание смыслопереживаний невыразимым исчерпывающе, во всем объеме, во всем богатстве на эксплицитном языке строгих понятий и представлений. Они в принципе имплицитны. Что же происходит, когда движения души становятся объектом познавательных актов?

В этих процессах складываются образные представления об испытанных или испытываемых смыслопереживаниях, происходит гносеологическое удвоение динамики души. При этом мы можем

четко уяснить для себя сущностное содержание состояний нашей души, их причинную обусловленность, направленность, уровень проявления, объективную значимость. Но, объективируясь в представлениях и понятиях, приобретая однозначную определенность и обобщенность, смысловопереживания перестают быть переживаниями, теряют свою целостность, содержательную емкость, богатство оттенков, живой динамизм. Они оказываются остановленными, застылыми в своей гносеологической яви. Выразившись в понятиях и представлениях, смысловопереживания получают объективированное инобытие. Являясь превращенной формой, оно тем не менее совершенно необходимый момент в жизни имплицитной сферы внутреннего мира человека. Благодаря когнитивному удвоению осуществляется объективная оценка и отбор наиболее значимых смысловопереживаний. Объективированность способствует образованию латентных переживательных форм и на этой основе сбережению имплицитного опыта. Все это служит очищению смысловопереживаний от всего случайного, несущественного, ведет к их обогащению и возвышению. Но, разумеется, объективированное инобытие не заменяет ни непосредственного, живого, динамического существования смысловопереживаний, ни их роли в жизни людей. Таким образом, ни существование человекообразных объектов, ни стремление уяснить сокровенные тайны диалектики души не изменяет объектно-субъектную технологию познавательной деятельности и ее нацеленность на постижение сущего в его определенной данности. При этом никогда нельзя подменять гносеологическим инобытием собственно бытие.

Антигносеологическая интерпретация феномена «човекообразности» нередко порождает утверждение о том, что многие фундаментальные элементы знания и познавательной деятельности органически соединяют в себе когнитивные и ценностные начала. Более того, их разведение разрушает само знание [5]. В. С. Степин говорит более осторожно. По его мнению, постнеклассическая рациональность, где субъект и объект познания уже не выступают внешнеположными друг другу, характеризуется «рефлексивной экспликацией ценностно-смысловых структур, включаемых в механизмы и результаты объективно истинного постижения мира» [6]. Здесь многое непонятно: эксплицированная ценность остается ли ценностью, если да, то как она может входить в объективную картину мира. Решение проблемы, на наш взгляд, в осознании того, что ценность в строгом смысле слова имеет смысловопереживательную природу и ее нужно отличать от оценочного познания и его результатов.

В познании необходимо различать два вида, констатирующее и оценочное. Предметом познания в первом случае служит все сущее, взятое как объективная данность, все явления мира, рассмотренные в их имманентных свойствах и взаимодействиях. Оценочное познание призвано дать знания о значимости различных явлений мира для человека, его существования и практической деятельности. Таким образом, предмет познания здесь двусоставен: это объекты, соотносительные с нуждами субъекта. Задача и процедура рассмотрения те же — гносеологические. Поэтому происходит как бы раздвоение субъекта: субъект познания занимает третью позицию, противопоставляясь не только объекту, значимость которого определяется, но и практически действующему субъекту, субъекту нужды, который берется в его объективной определенности, элиминированности от его непосредственных, переживательных проявлений. Выявленная таким гносеологическим путем значимость выражается на языке представлений и понятий и потому не является ценностью. Скорее, ее можно было бы определить как полезность.

Ценность же — это значимость объекта, выявляемая по отношению к потребностям личности как ее непосредственным, целостным переживательным состояниям души и именно в процессе смыслопереживания. Здесь нет гносеологической отдаленности. Воспринимаемое явление сближается с личностью, становится ее кровной, «задевающей за живое», индивидуально значимой частью. Объект раскрывается не в его сущностном отвлечении, а в единстве сущности и конкретной явленности, в неповторимом богатстве всех его свойств и качеств. В смыслопереживании через бытийную сопричастность, духовное проживание открывается его сокровенный, индивидуальный, субъективно значимый смысл. Содержание процесса ценностного переживания заключается не в обнаружении и познании существующего, а в образовании нового феномена, представляющего интегральное единство «предмета для нас и нашего состояния» (Ф. Шиллер). Таким образом, в своем предметном содержании ценность привязана к свойствам объектов, а по способу бытия она — состояние души, реально существует и представлена как переживание личности или личностей, входящих в данную социокультурную общность.

Ценности, разумеется, могут, как и любое смыслопереживание, стать предметом оценочного познания, осмысляться, анализироваться, что превращает их в индивидуальный факт, гносеологический объект, выявляет их значимость с точки зрения объективных нужд и представлений, т. е. переводит в разряд полезностей. Это ино-

бытие ценностного. Несмотря на отступление от ценностной природы, оно необходимо. С его помощью может закрепляться и дольше сохраняться ценностный опыт. Только на когнитивном уровне в результате процедур оценочного познания все богатство и разнообразие ценностных феноменов может получить объективный статус подлинности, полезности с точки зрения самодвижения человеческой природы. Тем не менее, чтобы объективно признанная в культуре полезность стала ценностью, она должна быть каждый раз заново пережита личностью в качестве таковой.

Вернемся к проблеме включения ценностного в когнитивное. Разумеется, ценностные ориентации ученого, как и весь строй его смыслопереживаний, играют огромную роль в его научной деятельности, мотивационную, мобилизующую, энергетическую, целенаправляющую. Но все эти эмоциональные основания и сопровождения познавательного процесса отступают на задний план перед ценностной установкой на поиск объективной истины, когда наступает час действия непосредственных мыслительных процедур и строгой формулировки полученных научных результатов. Для научного сообщества и для культуры в целом значимы в итоговой работе не личностные мотивы и испытанные автором чувства, а новизна, доказательность, адекватность, правдивость, практическая полезность. Здесь ценностное счастливо умирает в когнитивном. Выявление же когнитивных достоинств и недостатков, представленных констатирующим познанием, осуществляется оценивающим познанием.

В связи с постнеклассическим поветрием интенсивно возобновились разговоры о различении естественно-научного и гуманитарного знания. Некоторые авторы видят основу гуманитаристики в заинтересованности, вовлеченности субъекта, руководствующегося определенными ценностями, в процесс познания [7]. В социальных науках отрицается сама возможность «ценностно-нейтрального подхода» [8]. Отсюда вполне логично гуманитарное знание выводится за пределы науки. «Феноменология социального мира, строго говоря, не теоретична. Это образец рационального повествования (нарратива), описания отдельных явлений и сторон общественной жизни, которые, подобно мозаике, могут складываться в относительно целостный образ» [9]. История тоже рассматривается как нарратив, интерпретация и даже перформанс [10]. Таким образом, проблема кажется исчерпанной, но отнюдь не решенной.

Путь ее решения, на наш взгляд, был верно намечен еще Г. Риккертом, когда он утверждал, что задачей исторической науки,

как и всякой науки, является отличие существенного от несущественного, но не через выявление общего, как в естествознании, а через отнесение к культурной ценности [11]. С учетом вышеизложенного различия ценностного и оценочного можно утверждать, что специфика гуманитарного знания проистекает из ведущей роли в нем оценочного познания. Но в гуманитарную сферу входит не только наука, но и различные жанры и формы интерпретации. Это и эссе, выступающее как словесно-образное выражение содержания смыслопереживаний человека. И публицистика, и все многообразие художественной критики. Процесс интерпретации отличается от познавательного. Интерпретация приложима не к реальной фактичности, а к уже имеющемуся смыслу текста, высказывания, свершенного действия. Это движение в поле смыслов, трактовка, нюансировка, акцентирование некоего уже созданного содержания со смысловой позиции интерпретатора. Здесь нет гносеологической противопоставленности объекта и субъекта. Поэтому интерпретации могут быть различными, но не безгранично, непременно в границах, не допускающих распада интерпретируемого смысла. Сами интерпретации, как и все сущее, могут стать предметом оценочного познания. Тогда они оцениваются по гносеологической технологии с точки зрения обогащающего, новаторского развития исходного смысла.

Не может быть бескрайнего плюрализма, равной правомерности всех возможных теорий и в гносеологическом процессе. Иначе флюгеры и ренегаты, беззащитно меняющие свои точки зрения, например, на исторические события, окажутся наиболее продвинутыми и плодовитыми постнеклассическими мыслителями. Многообразие теорий оправданно, когда речь идет о сторонах, срезах, функциях объекта сложного, многогранного и развивающегося. Иначе — абсолютизация относительности, релятивизм. Фундаментальным идеалом науки было и остается устремленность к обнаружению существенного в сущем, к достижению объективной истины. Открытие зависимости микромира от проводимых измерений не может изменить внутренней сути науки. Было бы, во-первых, странно по этой причине подвергать сомнению возможность объективного постижения зависимости организма человека от экологической ситуации на планете или роли искусства в становлении личности. Во-вторых, сама экспликация факта воздействия наблюдателя на объекты микромира возможна при раздвоении и внеположенности наблюдателя самому себе, при множестве повторных измерений, выделений в них устойчивого, инвариантного содержания. А открытие синергетикой возможности нелинейных

изменений говорит только о том, что «мир нестабилен. Но это не значит, что он не поддается научному изучению» [12].

Подведем итоги. Современная наука существенно отличается от классической. Изменился инструментарий, технологическая оснащенность исследовательской деятельности. Повысилось осознание социальной, экологической, нравственной ответственности науки. Она превратилась в сложный социальный институт, разветвленную, многоуровневую систему. И самое главное — самосознание науки стало в гораздо большей степени диалектическим, ушла абсолютизация Разума как безошибочнейшей и единственной силы благоденствия. Но не изменились и не могли измениться стремление к выявлению существенного в объективном и суть процедуры, порождающей новое знание. Да, открытая объективная истина не окончательна, относительна. Но, как заметил Н. Моисеев, «мы в своих практических действиях обязаны принять постулат о том, что сегодня более надежной информации, чем та, которую может предоставить современная наука, у человека нет» [13].

В связи с тем что не изменилась структура процесса познания, представляется неточным употребление понятия «рациональность» для выделения этапов в развитии науки. Ему придается расширительное толкование. По существу, под рациональностью имеется в виду совокупность всех особенностей науки определенного исторического периода. Между тем, рациональность, будучи антитезой эмоциональности, означает деятельность, последовательно опирающуюся на работу разума с его строгим, безэмоциональным, объективированным языком понятий и представлений и потому соразмерную проблемной ситуации, изучаемому объекту, задаче, цели, уровню знания. К этому же толкованию смысла рациональности ведет и антитеза с иррациональным, исключаяющая любые мистические объяснения.

Итак, общий вывод. Постнеклассическая (несмотря на громоздкий, не указывающий на качественную определенность термин) наука существует, постнеклассическая рациональность — нет.

1. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. С. 40–47.

2. Глой Карен. Холистски-экологическая или механистическая картина мира // Рациональность на перепутье. М., 1999. Кн. 2. С. 444–445.

3. Колесников А. С., Сандуров Ю. А. Философия истории и рациональность. Предисловие // Сергейчик Е. М. Философия истории. СПб., 2002. С. 11.

4. Генис А. Вавилонская башня. Искусство настоящего времени. М., 1997. С. 13, 241, 162, 193, 171.

5. Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. М., 2002. С. 451.

6. Степин В. С. Указ. соч. С. 680.
7. Трубина Е. Г. Специфика социально-гуманитарного познания // Двадцать лекций по философии. Екатеринбург, 2002. С. 210.
8. Смирнова П. М. Рациональность социального знания: когнитивный нормативизм и стратегия интерпретации // Рациональность на перепутье. М., 1999. Кн. 1. С. 219.
9. Там же. С. 227.
10. Трубина Е. Г. Указ. соч. С. 215–223.
11. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903. С. 282.
12. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 46.
13. Моисеев Н. Судьба цивилизации, Путь Разума. М., 2000. С. 22.

С. И. Быкова
г. Екатеринбург

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И «НРАВЫ ИСТОРИКОВ»: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Осмысление исторического опыта своего народа и представления о прошлом всего человечества являются не только интеллектуальной традицией, но и важнейшим аспектом морально-психологической атмосферы в обществе. Восприятие прошлого, оставаясь в любые исторические эпохи одной из составляющих мировоззрения, влияло на отношение к настоящему, определяло «горизонты ожиданий» и формировало модели поведения. События истории никогда не были прерогативой научного познания — каждый человек и разные социальные группы создавали «свой» образ совершившегося, в котором преобладали эмоциональные и ценностно-ориентированные характеристики.

Однако в создаваемых образах прошлого, имеющих множество ракурсов и оттенков, присутствуют принципиальные различия: для многих история остается главным аргументом неизбежности и закономерности всего случившегося и происходящего, основанием для самооправдания. Лишь немногие воспринимают историю как «пространство личной ответственности и труда души»¹. В исторических исследованиях, отличающихся от обыденного восприятия прошлого, тем не менее, влияние названных исходных позиций чрезвычайно велико. Акцентируя внимание на проблемах экономического, социального и политического детерминизма человеческого существования, многие ученые избегали необходимости всестороннего изучения исторической реальности — сложной и проти-